

Екатерине Островской в детективных романах удается одинаково живо и колоритно описывать и европейское Средиземноморье, и дождливый Питер, и узбекскую пустыню — а это признак большого мастерства писателя, не ограниченного условностями и опасением ошибиться. У Островской виртуозно получается придумывать невероятные, выдающиеся, фантастические *истории*, в которые точно можно поверить благодаря деталям, когда-то верно замеченным и мастерски вживленным в текст.

Но Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры — завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными вымышленными мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят не-

ненависть, подлость, злобу и алчность. Но победа легкой не будет — за нее придется побороться! Героям Островской — самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям — приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех и... брать верх, одерживая полную победу. «И в этой пытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Татьяна Устинова

Часть первая

Глава первая

Парковочную стоянку Павел проскочил насквозь, подыскивая место, где можно вклиниться, потом остановился и сдал назад. Двигаясь задним ходом, попытался втиснуться между сверкающим полировкой черным «Гелендвагеном» и розовым родстером «БМВ». С трудом, но въехал, однако, подумав немного, решил не оставлять свою старенькую «Хонду» в таком опасном соседстве и отправился искать другое местечко. Как раз в это самое время напомнил о себе мобильный. Звонила Лена Прошкина, с недавнего времени исполняющая обязанности и секретаря, и офис-менеджера, и курьера, которого просили смотаться до буфета и обратно.

Павел не ответил, отыскал безопасное место, загнал туда автомобиль и только тогда набрал номер Прошкиной.

— Что-то очень срочное?

— Простите, Павел Валентинович, — сразу начала оправдываться Леночка, — вы просили

не беспокоить вас на выездах, но уже дважды вас спрашивал Алексей Юрьевич.

— Какой? — не понял Ипатьев.

— Алексей Юрьевич Рахимов, — прошептала Прошкина, удивленная такой забывчивостью начальника, — генеральный директор канала.

— Сам звонил?

— Первый раз секретарша, а потом лично интересовался, когда вы появитесь. Он только что звонил, то есть минут пять назад. Сказал, что срочно надо встретиться.

— Тогда я к нему сейчас поднимусь. Я уже на Чапыгина¹.

Ипатьев почти не сомневался, о чем пойдет речь: Алексей Юрьевич попросит поделиться рекламным временем, что удивительно. Потому что договор с независимой программой «Город принял» составляли юристы канала, и ничего подобного там предусмотрено не было. Но ссориться с генеральным директором канала не хотелось, потому что почти семь лет назад популярная программа была закрыта, и все эти годы Павел бился за то, чтобы городские криминальные новости вновь появились на экране в его представлении, а не в изложении пресс-службы ГУВД.

Охранник, сидящий в будке возле турникета, узнал Павла с запозданием и в последний момент крикнул ему в спину:

¹ Улица Чапыгина в Санкт-Петербурге, на которой находится здание 5-го канала.

— Классная передача была в пятницу! Я даже повтор на «России 24» смотрел.

Ипатьев поднялся по лестнице и вышел в коридор, ведущий к приемной генерального. На встречу спешили или просто спокойно шли сотрудники канала, и каждый что-то хотел сказать ему или пожать руку. А семь лет назад эти же люди шарахались от него как от прокаженного, зная, что у него конфликт с генеральным. Но теперь канал возглавляет другой человек — с Рахимовым Павел никогда прежде не ссорился, да и теперь не собирается.

Секретарь Алексея Юрьевича поднялась из своего кресла.

— Здравствуйте, я сейчас доложу, что вы пришли.

— А по селектору нельзя? — напомнил Ипатьев.

— Можно, конечно, — приветливо улыбнулась девушка, — но у нас с Алексеем Юрьевичем так заведено, что если приходит кто-то из подчиненных, то я по селектору, а если кто-то из уважаемых, то я лично докладываю.

— Выходит, я попал в список Вип-персон, — то ли спросил, то ли удивился Павел.

— Конечно, — с уверенностью отозвалась секретарша, — весь город смотрел ваш репортаж о том, как вора в законе убивали¹. У меня даже мама чуть не заплакала, сказала, всех бы их так...

¹ Читайте об этом в романе Екатерины Островской «Открой глаза, Фемида».

— Как раз этого я вам обещать не могу, — произнес Ипатьев, пытаясь вспомнить, как зовут секретаршу.

Семь лет назад была другая — такая же все понимающая, стройная и медлительная. По слухам, она потом удачно вышла замуж, а после очень удачно развелась. А ту звали...

Открылась дверь кабинета, и в приемную вышел сам Рахимов. Он плотно прикрыл за собой дверь, хотел что-то сказать секретарше, но, увидев Павла, обратился к нему, и почему-то шепотом:

— Ты уже здесь. А я уже устал ждать. У меня тут полчаса сидит силиконовая из пресс-службы ГУВД. Достала не знаю как. Вот, вышел сказать Лесе, чтобы она позвонила по селектору и напомнила, что меня срочно ждут на заседании учредителей медиагруппы.

— А когда заседание? — удивилась секретарша. — У меня нет такой информации.

Алексей Юрьевич посмотрел на нее, явно удивляясь наивности подчиненной.

— Это я так, чтобы она поскорее ушла, — объяснил он секретарше и посмотрел на Ипатьева. — А вообще она по твою душу притащилась. Не знаю, что она собиралась тебе заявить, но мне сказала, что такие материалы, как те, что ты в пятницу показал, надо согласовывать с городским управлением. — Он снова посмотрел на Лесю: — А ты все равно через пять минут напомни мне, что у меня совещание с руководством медиахолдинга.

Рахимов открыл дверь настежь, пропуская вперед Павла:

— Заходите, Павел Валентинович! А то мы вас заждались, — посмотрел на молодую женщину в полицейской форме с погонями полковника, — вот, Инна Петровна, доставил. В коридоре, можно сказать, выловил. Норовил улизнуть.

Руководитель пресс-службы изобразила усталость от получасового ожидания.

— Здравствуйте, Павел.

— Привет, — ответил Ипатьев, подходя к ней, — мы же вроде на «ты» были. Или что-то случилось? Хотя... Когда мы виделись в последний раз, ты была еще майором.

— Я была тогда подполковником.

Ипатьев наклонился и шепнул в ароматизированное женское ухо:

— Ты была тогда под генералом.

Полковник полиции покосилась на Рахимова, пытаясь понять, слышал ли он, и ответила тихо и без злобы:

— Ты дурак.

Рахимов опустил в свое кресло и сказал:

— Господа, если можно, то побыстрее. Потому что у меня заседание... то есть совещание в совете учредителей холдинга.

— У меня тоже там заседание, — подхватил Ипатьев, — пригласили, а я замотался и чуть не забыл, ведь вторым вопросом повестки стоит как раз взаимодействие моей программы со всеми структурами. Меня просили подумать о версии для радиовещания.

— Погоди! — возмутилась Инна Петровна. — Я понимаю, что ты хочешь поскорее смыться. Но я прилетела сюда по настоятельной просьбе начальства провести с тобой разъяснительную беседу, чтобы ты понял наконец, что подобные материалы надо согласовывать. Но главный вопрос: откуда ты мог знать, где находится гражданин Качанов, которого весь город знал как криминального авторитета Каро Седого? Как ты мог знать, что на него готовится покушение?

Ипатьев посмотрел на хозяина кабинета, а тот показал на свои наручные часы — якобы предупреждая, что у него времени в обрез.

Павел кивнул, давая понять, что заканчивает, и продолжил:

— В пятницу состоялся суд: с Каро Седого были сняты все обвинения. Он был освобожден из-под стражи прямо в здании суда и уехал. Мой сотрудник проследовал за ним, узнал, что преступный авторитет прибыл в загородный дом, сообщил мне. Я со съемочной группой отправился туда и увидел то, что потом смотрели все телезрители, включившие городской телеканал.

— Весь город включился, когда люди узнали, о чем пойдет речь, — подтвердил генеральный директор, — рейтинг просто зашкаливает, два центральных канала показали потом этот репортаж.

Алексей Юрьевич еще раз посмотрел на часы.

— Есть какая-то журналистская этика, — воспользовавшись паузой, повысив голос, провозгласила полковник полиции, — если тема находится в прерогативе правоохранительных органов...

— Стоп! Стоп! Стоп! — остановил ее Алексей Юрьевич. — Почти два десятка лет назад на факультете журналистики я вам обоим преподавал введение в специальность, основы тележурналистики и этику журналистской деятельности. А потому не надо больше таких экскурсов. Главное в работе журналиста, а особенно это касается телерепортера: кто успел, тот и съел. А сейчас...

Рахимов нажал кнопку селектора.

— Леся, мне никто не звонил?

— В смысле из медиахолдинга? — вспомнила секретарша. — Так еще пяти минут не прошло, а вы сказали, чтобы...

Алесею Юрьевич сбросил вызов и поднялся.

— Но мне все равно надо собираться. А вы, если хотите продолжить разговор, то, пожалуйста, где-нибудь в другом месте. У тебя, Павел Валентинович, есть в этом здании и свои арендованные помещения. Можете в кафе, где все располагает, а мне надо бежать...

Втроем вышли в коридор. Полковник полиции посмотрела на Ипатьева.

— Давай где-нибудь без посторонних.

— Мне через пять минут надо быть в монтажной.

Инна помолчала, потом вздохнула.

— Паша, ты помнишь, как мы...

— Ты это о чем? — переспросил Ипатьев, прекрасно все понимая. — Давно это было, и не надо ворошить...

— Да я не к тому. За мной ведь никакой вины. Это ты сам вдруг женился, перешел на заочный

и вкалывал здесь на подхвате в студии новостей. Это ты меня бросил, а не я тебя. Сейчас ты — один и я тоже, может, попробуем снова?

— Не снова, а в очередной раз, — напомнил Павел, — в третий уже... Хотя третий раз уже был. Но, если честно, я тогда просто по пьяни... Прости. Семь лет назад, когда меня поперли не без участия твоей конторы, а потом еще жена бросила... Вот я и забухал сильно... А сейчас времени нет ни на пьянку, ни на любовь. Да и тебе самой зачем это?

— На втором курсе я тебя сильно любила, — вздохнула Инна Петровна, — я даже на девять килограммов похудела, чтобы тебе понравиться... Мы же с тобой почти полгода...

— У меня монтаж программы, — напомнил Ипатьев.

— Я все поняла, — тряхнула головой полковник полиции, — от ворот поворот, значит. Но ты учти, когда тебя в очередной раз попрут с телевидения, не приходи больше ко мне: ни трезвым, ни пьяным — вообще никаким не приходи, потому что ты сегодня для меня умер. И если по работе придется пересекаться, то я для тебя Инна Петровна и тупых шуток про генералов я уже не буду прощать.

Она шагнула в сторону, но вспомнила:

— Как мама твоя? Про бабушку не спрашиваю, потому что столько лет прошло и всякое могло случиться...

— С мамой все хорошо: на пенсии, но продолжает работать в школе. И бабушка жива,

слава богу... Девяносто восемь лет, но голова светлая и бодрая, правда, с палочкой ходит. Сегодня как раз собираюсь к ним заехать.

— Передавай им привет, — кивнула бывшая сокурсница.

Повернулась резко и пошла прочь почти строевым шагом, но таким скоростным, словно боялась, что сама не выдержит и вернется.

Глава вторая

Он въехал в низкую и узкую арку, потом через тесный дворик к подъезду дома, в котором жили бабушка и мама, а когда-то и он сам. Родной дом был старше бабушки на пару десятков лет. И появился он в те далекие и светлые годы, когда местные землевладельцы продавали здесь свои садики и огороды под застройку непохожими друг на друга пятиэтажками с крашенными веселой краской стенами с притулившимися к ним дровяными сараями.

Теперь пятиэтажный серый домик казался вросшим в землю. Окна первого этажа всегда плотно зашторены, потому что внутрь мог заглянуть любой проходящий мимо. Два парадных входа с фасада: лестницы с узкими площадками на четыре квартирki, и еще два таких же — из внутреннего дворика.

Павел прошел через двор, который в пору его детства был другим — тогда он казался большим и в центре его имелся газон с вытоптанной площадкой в центре, где играли дети —

совсем маленькие, которым было запрещено выбегать за пределы тихого маленького мира. Теперь весь дворик был заасфальтирован — непонятно, с какой целью, ведь все жильцы договорились не оставлять здесь свои автомобили.

Все друг друга знали, все жили мирно, и даже если кто-то и ссорился с кем-то, то быстро мирился. Те, кто жил здесь, были как родственники, потому что семьи всех жильцов обитали здесь долгие годы, поколение за поколением. Хотя теперь прежние жильцы уже не жили здесь, а доживали, потому что молодежь разлеталась, не желая обитать в тесных комнатках в атмосфере унылого покоя и затхлости и видеть близкие окна соседей, где застыла точно такая же тоскливая жизнь.

Ипатьев пересек дворик, никто его не окликнул и не поздоровался. Окна почти всех квартир были приоткрыты, но никто не выглядывал из них, потому что, сколько ни смотри, все равно ничего нового не увидишь. И только откуда-то из-под крыши вылетел обрывок песенки ушедшего века.

...Все стало вокруг голубым и зеленым. В ручьях забурлила, запела вода...

Он шел по лестнице, вдыхая знакомые с детства ароматы лестницы старого дома, поднимался в тишине, и не было никаких звуков в тесном пространстве, кроме шороха его собственных шагов. Так он добрался до пятого этажа, достал из кармана связку, где был единственный ключ от родной старой двери. Но

потом решил позвонить, поднял руку и увидел, что дверь затворена неплотно, толкнул ее и вошел. В квартире было солнечно и тихо: не было слышно ни работающего телевизора, ни голоса трехпрограммного радиоприемника, висящего на стене в кухне с доисторических времен, не было ничего: ни разговоров, ни шагов, ни дыхания. Он вошел в гостиную...

Мама лежала лицом вниз в луже крови. Бабушка сидела в большом старом кресле, откинув назад голову... Крови на ее халате было немного: ее дважды ударили ножом, и оба раза точно в сердце. Павел почувствовал, как похолодело его лицо и обмякли руки, но он подошел к телу матери, присел и двумя пальцами коснулся сонной артерии: пульса не было. Не поднимаясь, оглядел комнату: все, что хранилось в шкафах и столах, было разбросано по полу и диванам. Ипатьев достал телефон и набрал номер.

Сообщил о случившемся, слыша свой собственный голос откуда-то издалека, словно говорил не он сам, а какой-то другой, незнакомый ему человек, с каменным сердцем, равнодушный ко всему, что было вокруг.

— Еще раз представьтесь и повторите адрес, — попросил женский голос в трубке, — сейчас к вам будет отправлена дежурная машина.

— Это Ипатьев, программа «Город принял», — тихо сказал Павел и больше не мог выдавить из себя ни слова, потому что у него сдавило горло, словно кто-то, подкравшись

неслышно сзади, обхватил его шею жесткими стальными пальцами.

Не прошло и пяти минут, как во двор влетел служебный автомобиль, а когда трое полицейских поднялись в квартиру, подъехали еще две машины.

Один из вошедших представился:

— Начальник убойного отдела РУВД майор Гончаров.

— Мы знакомы, — кивнул Павел, — вы расследовали дело об убийстве антиквара Соловейчика. Тогда вы тоже были начальником убойного отдела. Я пытался взять у вас интервью, но ничего не получилось.

— Было такое, — подтвердил Гончаров, — лет семь назад, а может, и восемь. Я все хотел найти возможность извиниться за тогдашнюю свою грубость.

— Я не обиделся, послали и послали: у каждого своя работа, а я мешал, вероятно.

Привели понятых из соседней квартиры, пожилую пару, которых Ипатьев знал с детства. Старушка обняла Пашку и стала рыдать. Ее увели и позвали соседа снизу.

Эксперты начали свою работу, а Павел ушел на кухню. Очень скоро к нему присоединился майор Гончаров. Разложил перед собой листы бумаги, собираясь, очевидно, заносить туда показания Павла.

— Что-то ценное пропало? — спросил майор.

— Я особо не смотрел еще, но пропадать нечему. Кажется, ноутбука нет, который я пода-

рил маме лет пять назад. Компьютер старый, но не из дешевых. Я ее обучал работать на нем, потому что детишки сейчас продвинутые, а ей хотелось разбираться во всех этих тиктоках, чтобы говорить с ними на одном языке. Ценностей в доме не было. Разве что дешевые цепочки, сережки, перстень у бабушки... Но тоже не из дорогих. Были награды бабушкины и деда... У бабушки медали: «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные и «Ветеран труда». Но, сами понимаете, стоит это гроши. А после дедушки остались ордена: Боевого Красного Знамени, Красной Звезды и два Отечественной войны, и еще один — польский «Крест Грюнвальда», ну и медали...

— Ордена денег стоят, — напомнил полицейский, — в них же драгметаллы.

— Все равно это гроши. За сто тысяч рублей вряд ли кто пойдет на убийство.

— Мне тоже кажется, что убийцы шли сюда не за добычей, — тихо произнес Гончаров. — Сами как думаете, кто-то мог им мстить за что-то? Или, может, это месть вам?

— Им не за что, а мне — вполне возможно. Хотя вроде не за что. За то, что передача возродилась? Но мне и раньше угрожали пару-тройку раз, но действий против меня никаких не было.

— А за репортаж с убийством Каро Седого могли отомстить?

— А что я такого показал особенного? Кто-то пробрался к его бане и расстрелял его вместе

с телохранителями. Я-то каким боком к убийству? Просто отснял и показал — это моя работа.

— Зато у нас на ушах стоят: в субботу собрали всех и сказали, что надо готовиться к войне за передел криминального мира.

Майор резко поднялся и направился в гостиную, где продолжали работать эксперты-криминалисты. Павел подошел к холодильнику, открыл дверцу и заглянул внутрь. Там стояла коробка с тортом, судя по всему, бабушка с мамой готовились встретить его сегодня. Может быть, они радовались, что на экранах снова будет популярная программа, которую придумал их внук и сын, и захотели отметить событие праздничным чаепитием.

Ипатьев выглянул во двор: внутренний дворик наполнялся соседями, все что-то обсуждали, смотрели на окна квартиры Ипатьевых: люди уже все знали. К ним подошли опера и участковый, стали опрашивать.

Вернулся начальник убойного. Садиться за стол не стал, а начал оглядывать помещение кухни.

— Здесь когда-то дровяная печь стояла, — наконец произнес он.

Ипатьев кивнул, не понимая, при чем здесь печь.

— Я к чему о печке спрашиваю, — продолжил майор, — потому что должен был остаться дымоход.

— Не знаю, — покачал головой Павел, — при чем тут это?

— При том, что некоторые жильцы подобных старых домов там очень часто что-то прячут. Что-нибудь ценное. Не у всех же есть возможность арендовать банковскую ячейку в депозитарии. Делают это на случай, если залезут воры и все перероют, но в дымоход не полезут, потому что не знают о нем, а там...

— Бабушка ничего не прятала, — не дал ему договорить Ипатьев, — я бы знал об этом, да и прятать-то было нечего. Я уже говорил.

— Наград мы не обнаружили, — доложил Гончаров, — но орденские книжки остались. Будем по номерам искать. Тряхнем всех известных барыг в городе, все скупки, рынки, интернет-магазины, сайты разные, чтоб им провалиться. — Майор говорил так, словно оправдывался. — Мы уже начали работать: я отзвонился и попросил проверить по камерам все автомобили, выезжающие из вашего квартала за последние два-три часа.

Ипатьев кивнул и подумал, что Гончаров в полиции служит лет двадцать, а то и двадцать пять, то есть раза в два больше Инны Снежко, но она полковник, а он застрял в майорах.

— Опером начинали? — поинтересовался Павел.

— Так я и сейчас опер, — признался Гончаров, — люблю свое дело. Когда меня ранили в первый раз... Ну как ранили: пуля попала в бронежилет, только ребро сломано было. Мне

дали несколько дней отлежаться; маме я сказал, что на лестнице оступился и упал. Она поверила. Мамы всегда верят. Простите.

Дал знать о себе мобильный. Вызывала Инна, о которой он недавно вспомнил. Павел сбросил вызов, но она позвонила снова. Пришлось отвечать.

— Паша! Пашенька! — услышал он ее стон. — Как такое могло случиться? Ужас какой-то! За что? Мне дежурный по городу сообщил о твоем горе, и я сразу к тебе рванула, чтобы поддержать...

— Не надо, — попросил Павел.

Но Снежко не слушала.

— Я уже еду, — выдохнула она, — я тебя не оставлю одного в такую минуту.

Очень скоро она приехала, но не одна: сначала во внутренний дворик, куда даже жильцы дома не ставили свои автомобили, въехал розовый родстер «БМВ», а за ним серый микроавтобус с бортовой надписью «Пресс-служба ГУВД». «бээм-вэшка» посигналила, призывая собравшихся во дворе жильцов расступиться. Гончаров выглянул в окно и вздохнул. Потом посмотрел на Павла.

— Я не могу ее не пустить, — произнес он, — а то на всех заседаниях меня склонять будут, что препятствую профессиональной деятельности журналистов в погонах. Еще и выговор влепят, а у меня еще предыдущий не снят. Вы уж сами как-то так с ней...

Ипатьев вышел из квартиры и начал быстро спускаться. Не успел выйти во двор, как в па-

радную заскочила Снежко, а за ней оператор с камерой на плече. Камера была включена.

— Пашенька, — простонала Инна и бросилась к нему, пытаясь обнять, — я сама чуть не умерла, когда узнала...

— Что за цирк! — возмутился Ипатьев, уврачиваясь от ее объятий. — Инна Петровна! Товарищ полковник полиции, в данный момент проводятся все необходимые оперативно-следственные мероприятия. Начальник районного убойного отдела майор Гончаров — опытный специалист, и не надо ему мешать...

Снежко обернулась к оператору и сделала жест, означающий, что можно заканчивать съемку. Потом все же обняла Павла и сказала тихо, без стонов и вздохов:

— Я помню, как ты привел меня сюда после первого курса... Твои мама с бабулей были на даче... Ты помнишь?

— Я все помню, но...

Ипатьев не успел договорить, потому что открылась дверь и вошел мужчина пятидесяти с небольшим лет, увидев которого, Инна отстранилась от бывшего сокурсника, отступила на шаг и поправила прическу.

— Здравствуйте, Иван Васильевич, — сказала она.

Мужчина кивнул в ответ и протянул руку Павлу.

— Мои соболезнования, — сказал он, — я приехал лично сказать, что беру это дело под особый контроль и постараюсь, чтобы

расследование было доведено до логического конца и все причастные к этому преступлению понесли заслуженное наказание. Мы с вами знакомы уже давно, с той поры, когда я был еще старшим следователем, и вы знаете, что я не даю пустых обещаний. Нет такого преступления, которое не может быть раскрыто. Мы постараемся. Сотрудники Следственного комитета, которые будут заниматься расследованием, прибыли вместе со мной...

— Там уже районный убойный работает, — предупредила Снежко, — майор Гончаров.

— Хорошо, — кивнул начальник Городского Следственного комитета, — объединим наши усилия, и это поможет расследованию.

— Спасибо, — кивнул Ипатьев.

Иван Васильевич попрощался и вышел.

— Ты камеру включил? — обратилась Снежко к оператору.

— Так я и не отключался, — ответил молодой человек.

— Это хорошо. Потом смонтируем, покажем начальника ГУВД, который выразит свои соболезнования и скажет, что был на месте преступления и берет расследование под свой личный контроль. А то получается, что Следственный комитет первым подсуетился...

— Убирайтесь, — попросил Павел.

Инна снова обняла его и чмокнула в щеку.

— Держись, Паша! — шепнула она и еще тише выдохнула: — Мне приехать к тебе сегодня?

— Валите отсюда! — едва не закричал Павел.

Он вернулся в квартиру, снова вышел на кухню, достал из холодильника торт и направился к соседям. Дверь открыла старенькая соседка: он даже не знал, сколько ей лет: понятно, что она младше бабушки, но старше мамы. Протянул ей коробку и, когда увидел, что она хочет отказаться, объяснил, что его ждали дома, хотели, вероятно, отметить возобновление его работы на телевидении. Соседка осторожно взяла коробку. Передала ее подошедшему перепуганному старику-мужу, потом подхватила Пашу под локоть и затащила его в квартиру.

— Как обидно, как обидно! — начала причитывать она. — Я полдня смотрю в окно, как будто жду кого-то. А тут ничего не видела, как дура. Никого не видела! Ничего не слышала.

Она посмотрела на застывшего старика и махнула рукой, требуя, чтобы он удалился.

— И Вася ничего не слышал. Да и что он может слышать: глухой совсем, и аппарат, как назло, сломался. А бабушка твоя, когда из дома уходила, всегда просила с твоей мамой посидеть. Валечка тогда совсем маленькая была, и я ей песенки пела про веселый ветер, про чибиса... Я же тогда пионеркой была.

И соседка заплакала.

С приближением сумерек полицейские и опера Следкома уехали, тела мамы и бабушки увезли еще раньше. Последним из квартиры вышел майор Гончаров. Павел проводил его до

выхода со двора. Расстались под низкой арочкой, в которую не всякий грузовичок мог проехать.

— Самое тяжкое в нашей работе, — признался майор, — когда вот так расправляются с беззащитными стариками или детьми. А потом суд дает убийце двадцать лет или того меньше... Живыми оставляет тех, кому нет места на земле. Так что самому надо найти этих тварей... — Он заглянул в глаза Ипатьева и пообещал: — Даю слово, что если мне придется их брать, то живыми их не оставлю.

Павел кивнул, пожал руку, поплелся к своему парадному, а из всех других выходили люди и шли следом, молча догоняя его, чтобы окружить и утешить.

Оставшись один, Павел пытался лечь, но уснуть не получалось, он закрывал глаза и пытался думать о чем-то другом, но и этот номер не проходил. Дважды звонили со студии и просили разрешения приехать поддержать, но он отказался. Потом включил телевизор и сразу увидел печальную Инну.

— С Павлом мы друзья со студенческой скамьи, — рассказывала она, — учились на одном курсе. Я много раз бывала у него дома... то есть у них дома. Была прекрасно знакома и с мамой, и с бабушкой... Бабушка — большой души человек... Блокадница. У нее была привычка, которая свойственна всем, пережившим то страшное время. Заканчивая обед

или ужин, собираясь покинуть стол, она смахивала со столешницы крошки хлеба в подставленную ладошку, а потом отправляла их в рот, чтобы не пропадали зря. — Инна всхлипнула, быстро отвернулась и произнесла уже изменившимся голосом: — А теперь ее нет...

Он выключил телевизор, взял телефон и набрал номер Снежко.

— Приезжай: тошно мне одному.

Глава третья

Утром было еще хуже. И от того несчастья, что случилось накануне, и от той глупости, что он совершил ночью, и оттого, что за окном была серая хмарь. Павел забрался под душ, желая там укрыться от Снежко, но она пришла и села на край ванны. Да ладно бы сидела молча, но ее несло.

— Столько времени потеряли! — разглагольствовала она. — И чего тебя угораздило тогда жениться. Нашел себе какую-то филологиню, а зачем? Ведь с самого начала было ясно, что у нее это несерьезно. Ты же был никто, а ее родители — в смысле ее папа — владелец строительной корпорации. К хорошей жизни тебя потянуло? Ведь у нас все было нормально.

— Ничего у нас не было нормального, — не выдержал Ипатьев, — пару раз переспали, и только. И здесь ты была раза три всего, и бабushку мою видела лишь однажды.

— И одного раза достаточно, — попыталась возразить Инна, — я, например...

— Ты-то при чем тут? — ответил Павел, смывая пену с головы. — Будущий тесть застучал меня в постели со своей дочерью. Хотел тут же убить, но Светка не дала. Стала кричать, что я ее жених. А я вроде не возражал. Во-первых, она симпатичная, а во-вторых, оказалась богатой, то есть понравилась мне со всех сторон. Да и все у нас было нормально, пока меня с телевидения не поперли, пока я пить не начал и пока я не признался жене, что изменил ей.

— Это когда ты у меня остался?

— С тобой я изменил самому себе, потому что не помню, как это случилось. Может, и не было ничего, а ты наврала утром. Кстати, откуда у тебя «БМВ» «Z-4»? Он ведь миллионов пять стоит, даже подержанный.

— Мне он в миллион обошелся. Это конфискат, который распродают на закрытых аукционах.

— Скинь мне всю информацию, — попросил Ипатьев, — я сделаю об этих аукционах отдельную передачу, расскажу, как сотрудники ГУВД приобретают дорогие вещи с гигантскими скидками.

Инна молчала долго, словно дожидаясь, когда он вылезет из ванны, наблюдала, как он вытирается полотенцем.

А потом спросила:

— Ты помнишь, что ночью сделал мне предложение? Наверняка все рассчитал: мол, вы-

годная партия. Симпатичная, четырнадцать лет в органах, а уже полковник...

— Начальник районного убойного Гончаров, что про него можешь сказать?

— Хороший мент. Может быть, даже очень хороший. У него самая высокая раскрываемость в городе. А может, и в стране. Его в городское управление несколько раз пытались вытащить, хотели замом Жаворонкова — это начальник местного РУВД — сделать, но управление кадров не пропускает.

— При чем тут кадры? — не понял Ипатьев. — Все упирается в одного человека. Ты знаешь, кто это.

Снежка молча кивнула.

— Но если у него все хорошо по раскрываемости, то почему его маринуют? — продолжил Павел.

— Да потому что он очень часто в перестрелки встречается. Лет пятнадцать назад, я еще не пришла работать, он банду вымогателей вычислил. Их всей страной искали... Бандиты похищали предпринимателей, пытали и мучали... Даже детей не жалели. Твой Гончаров сел им на хвост и со своими дружками перестрелял всех до единого при задержании. Якобы они оказали сопротивление.

— А на самом деле?

— Ну и что! Преступники оказали сопротивление — так что, всех убивать за это? Генерал Корнеев был уверен, что у бандитов в нашем городе был общак банды заныкан. Несколько

миллионов евро! А после того как твой Гончаров ликвидировал всех участников банды, денежки пропали¹. А вообще, если ты надеешься, что твоим делом будет заниматься Гончаров, то не мечтай. Сам слышал, что сказал генерал юстиции Евдокимов: Следственный комитет забирает дело. Гончаров не при делах, и вообще — он до пенсии останется майором. И по делом! И вообще...

Бывшая сокурсница вздохнула, очевидно собираясь сообщить нечто очень важное. Но тут раздался громкий звонок в дверь.

— Товарищ полковник, пожалуйста, — попросил Павел, — сегодня поработайте швейцаром.

После душа стало чуть легче. Он посмотрел вслед Снежко: Инна шла по коридору в одних красных стрингах.

— Накинь на себя что-нибудь! — крикнул Ипатьев.

Бывшая сокурсница, не сбавляя хода, сдернула с вешалки полковничий мундир, надела его и застегнула пару пуговиц.

— Кого это носит в такую рань? — возмутилась она громко — так, чтобы слышно было стоящему за дверью. — Полвосьмого утра!

И открыла дверь. На маленькой площадке толпились люди.

— Мы к Паше, — произнес высокий мужчина, — мы с ним вместе в школе учились.

¹ *Екатерина Островская*. «Девушка вне всяких подозрений».

Инна сразу узнала этого человека и очень удивилась, даже немного испугалась. Но тут же пришла в себя, постаралась чуть-чуть присесть и натянуть мундир пониже, чтобы не были видны красные трусики.

— Простите, Владимир Васильевич, — прошептала она и захлопнула дверь перед самым носом заместителя председателя городского суда¹.

Вообще-то, она и не собиралась открывать, хотела через дверь узнать, кто пришел так рано, и отодвинула задвижку совершенно машинально. Кто же знал, что на площадке окажется судья Высоковский и еще куча свидетелей. Свидетелей ее позора.

Она кинулась обратно в спальню, успев бросить по дороге выходящему из ванной комнаты Ипатьеву:

— Паша, там из суда пришли!

Она поспешила одеться, но быстро не получилось, потому что путались колготки и пуговички белой форменной рубашки не хотели застегиваться... То есть рубашка была не форменная, а как бы форменная, но с пуговичками-кнопками, и на каждой кнопочке стояла надпись «Lee sooreg». Очень удобная рубашка с сеточкой под мышками для вентиляции, что необходимо именно летом. Потом Инна причесалась, восстановила макияж, попрыскалась духами Masumi Coty, которыми пользовалась лишь в исключительных случаях, но всегда носила с собой, потому что ис-

¹ *Екатерина Островская*. «Открой глаза, Фемида».

ключительный случай может настичь молодую и симпатичную женщину в самый непредсказуемый момент. К тому же эти духи она купила себе сама, отдав за малюсенький флакончик больше половины должностного оклада.

Она посмотрела на свое отражение в зеркале, постаралась придать лицу деловое выражение, потом смахнула его и примерила выражение скорбно-печальное, но и оно ее не устроило. Пожалуй, лучше быть проникновенно-сочувственной, а для этого надо добавить блеска на губы...

Она осторожно вышла в коридор. В квартире было тихо, она дошла до кухни и заглянула внутрь. Кухня тоже была пуста. То есть не совсем. Павел сидел за столом и пил чай.

— А где все? — удивилась Инна.

— Ушли, — спокойно ответил Ипатьев, — спросили, какая нужна помощь, посочувствовали и по своим делам отправились. У всех ведь работа.

— А ты и в самом деле учился в одном классе с Высоковским?

— Лучшими друзьями были. Он всегда заступался за меня перед классным руководителем. Которая ко мне была очень жесткой.

— Что же она за зверь такой была?

— Классным руководителем у нас была моя мама. А сейчас Володя пообещал, что со своей стороны приложит все силы, чтобы...

— Какие у него силы, — не дала договорить Инна, — если только до суда дойдет, тогда он

точно влепит этим гадам пожизненное. Но ведь тебе майор Гончаров обещал прикончить их при задержании? Ты так мне сказал.

Павел кивнул.

— А Высоковский ведь не женат и никогда не был? — как бы между прочим поинтересовалась Снежко. — Просто я слышала, что у него был роман с Викой — дочкой генерала Корнеева. Все уже к свадьбе шло, но сейчас Корнеева в Москву перевели, а дочка здесь осталась, и твой одноклассник от нее сбежал. А ведь она — симпатичная и неглупая, она знает, наверное, что очень скоро твой друг возглавит городской суд. А вообще, скажу по секрету, его наметили в председатели Верховного суда. Не сейчас, разумеется, а на перспективу. Высоковскому намекали об этом, а потому зачем ему Вика: он ждет партию получше. Или он принципиально не хочет жениться?

Снежко обняла Павла и шепнула:

— Вы сейчас с ним о чем говорили? Он что-нибудь про меня спрашивал?

Павел задумался, отстранился, а потом пожал плечами.

— Спросил, только я не знаю, стоит ли это говорить...

— Стоит, стоит, — улыбнулась Инна и снова обняла его.

— Хорошо, — согласился Павел, — он спросил, а чем там Снежко в своей пресс-службе зарабатывает, что на такой нескромной машине ездит.

— На себя посмотри, — обиделась бывшая сокурсница, — у него мать и бабушку убили, а он ночью бабу домой притащил. Слабый ты человек, Паша. Слабый и беспринципный.

Ипатьев спорить не стал, хотя он никого не тащил: она сама притащилась с бутылкой Hennessy Paradis. И он пил коньяк, хотя полтора года назад дал зарок — ни капли, и держал данное себе слово до сегодняшней ночи, когда, напившись, сделал Снежко предложение выйти за него замуж. Это было, но домой он к себе никого не тащил: у него и дом на другом конце города — однокомнатная квартирка, в которую теперь возвращаться не хочется.

Глава четвертая

Павел думал, что его немного отпустило, и тяжесть на душе стала меньше, но когда пришел в здание телеканала, шел через фойе, по лестнице и по коридору, то каждый встречный подходил и выражал свое сочувствие, некоторые при этом приобнимали. И от этого внимания и объятий стало еще хуже. Потом в помещении редакции он сидел за своим столом и смотрел прямо перед собой на стену, где висел плакат восьмилетней давности, на котором он застыл на вылете из микроавтобуса, держа на плече профессиональную камеру Blackmagic, врываясь в мир, где идут бандитские перестрелки, где толсторожие чиновники рассовывают по карманам пачки долларов, где согнулись уни-

женные и оскорбленные, где вдоль дорог сидят дети с протянутой для подавания рукой. Убогий и пошлый плакатик, но картинка эта работала на его популярность, тогда он был звездой, тогда на него если и не молились, то говорили о нем как о неподкупном и честном человеке. Кассирши в универсамах просили у него автограф, и он расписывался на чеках, поверх стоимости купленных им колбас, консервов и пельменей. Но сейчас он сидел, пытаясь понять, за что убили маму и бабушку. Кто мог быть таким жестоким, чтобы забраться в квартиру, убить двух старушек и вынести из нее грошовые ценности? Вряд ли кто-то из их знакомых, потому что маму знала вся округа, почти все жители окрестных домов учились в школе, где она долгое время преподавала и была завучем — вот она, школа, и сотни метров до нее не будет, если выйти из низенькой арочки. Местные не пришли бы сюда грабить — те, кто знал маму и бабушку, не могли убить, а случайные люди вряд ли будут подниматься пешком на пятый этаж, рискуя быть замеченными кем-то. Но ведь поднялись, и никто их не видел. Соседи, которых опросили опера и участковые, показали, что возле дома не было посторонних машин и подозрительных людей...

Осторожно ступая, подошла Леночка Прошкина и тихо напомнила, что люди ждут указаний.

— Какие указания? — не понял Ипатьев. — Все грамотные и знают, что надо делать. А я се-

годня в нерабочем состоянии... Поеду домой. — Павел подумал и мотнул головой: — Только запишу обращение к горожанам, потому что без них мне не поможет никто.

Он сам принес в свой кабинет камеру и штатив, подготовил аппаратуру и выставил кадр. Потом потянул со стены известный всему городу плакат, но сорвалась только половина, а вторая осталась болтаться на двух кнопках, колыхалась, но держалась. Павел протянул руку, чтобы закончить дело, но остановился: этот плакат теперь олицетворял всю его жизнь, разорванную пополам — ту, что была до вчерашнего дня, и ту, что будет потом. И ничего уже нельзя склеить и что-то изменить в прошлом.

Он заехал в свою однокомнатную квартиру, не собираясь там задерживаться, быстро собрал вещи, упаковал их в две сумки, посидел на дорожку, оглядывая стены, словно прощаясь с ними, подумал, что от квартиры этой надо избавляться, продать ее и забыть, что когда-то жил здесь, потому что не было в ней ни счастья, ни радости. Жил он здесь после развода и после того, как ушел с телевидения, перебиваясь случайными заработками, продавая свою былую популярность, прогуливая и пропивая все, что было в карманах. Сюда он приводил случайных женщин, счастливых оттого, что они в гостях у телезвезды, некоторые из них потом пытались продолжить знакомство, но большинство не возвращались — ведь не у каждой находят-

ся силы терпеть пьяный бред неудачника. И теперь одиночество и душевная боль вернулись, так что эту квартиру можно оставить в прошлом со всеми не самыми приятными воспоминаниями. Скорее надо продавать ставшую ненужной жилплощадь, не раздумывая и не заламывая цену. А деньги все равно нужны: чтобы раздать накопившиеся долги и поставить хороший памятник на могилке мамы и бабушки.

Эти мысли крутились в голове и мешали думать о чем-то более важном, но он не знал о чем — не мог вспомнить, просто оглядывал окружающее его пространство.

Две сумки с вещами — это все, что он набил за жизнь. Правда, еще он набил два черных мешка для мусора: в один Павел закинул свою летнюю одежду и обувь, в другой — ноутбук, кофемашину, пакет с кофейными зернами, пачкой макарон и палкой колбасы, которая скучала в пустом холодильнике.

Он подъехал к дому бабушки, оставил машину на парковке, которую оборудовали сами жильцы, и он тогда трудился вместе с ними, развозя в тачке щебенку. Прошел мимо дома, повернул к арке и увидел девушку, которая стояла под ней. Та шагнула к нему.

— Здравствуйте, — еле выговорила она дрожащим голосом, — меня зовут Кристина Тарасова, я училась у вашей мамы... В прошлом году закончила и теперь учусь в педагогическом...

— Ты что-то хочешь сообщить? — догадался Павел.

Девушка кивнула, потом оглянулась и продолжила:

— Я днем учусь, а вечером работаю в кафе официанткой. А за стойкой у нас Рустам. Он и хозяин кафе, и буфетчик. Так вот к нему приходил человек, который предлагал польский орден... А в новостях говорили, что среди похищенных вещей был польский орден вашего дедушки.

— Когда он приходил? — едва не закричал Ипатьев. — Вчера, сегодня?

— Нет, он приходил давно, — стала объяснять девушка, — десять дней назад или две недели. Он принес какие-то награды. Мне тоже было интересно, я хотела посмотреть, но Рустам меня прогнал, сказал, чтобы я работать шла. Но я слышала, как Рустам сказал, что ему не нужен орден строителей Польши, потому что такой у него уже есть. Ему нужен Крест... этого...

— Грюнвальда?

— Ну да. А тот человек сказал, что если надо, то он принесет. И потом он ушел.

— Зачем ваш буфетчик скупает ордена?

— Он коллекционер. Девочки сказали, раньше он свою коллекцию на стене в кафе размещал, но потом убрал. Говорят, там было много орденов и медалей. Посетители приходили и рассматривали, а некоторые приносили потом награды и предлагали Рустаму.

— Бог с ним. Ты помнишь того, кто приносил польский орден и обещал еще?

— Так я про то и говорю. Я вчера шла домой мимо вашего дома, и как раз он шел мне навстречу... Я сразу его узнала...

Павел пошатнулся, и у него зазвенело в ушах.

— погоди, — остановил он девушку, — то есть он вышел из арки — той, где мы сейчас с тобой стоим...

— Я не видела, откуда он вышел, я только видела, как он шел. У него на спине был большой рюкзак.

— Можешь его описать?

— Рюкзак? Ой! Мужчину описать? Конечно, могу. Он высокий, лет тридцать, мне кажется, что не русский.

— Почему тебе так кажется?

— Лицо круглое, и глаза как у таджика или узбека. Какое-то восточное лицо, но не смуглое. Одет прилично. На нем был светлый пиджак с подвернутыми рукавами и джинсы — не дешевые.

— Далеко твоя работа?

— Полчаса на маршрутке. Но он на машине уехал. Сел за руль и сразу поехал.

— Здесь стояла его машина? — не поверил Павел.

— Нет. Просто мне интересно стало, что этот знакомый Рустама здесь делает, я повернулась — и за ним. Но догнать не смогла. Вышла на улицу и увидела только, как он сел в машину и уехал.

— Какая машина?

— Серая или голубая. Марку я не знаю. А кафе наше называется «Жуда мазали».

— Как? — не понял Павел.

— Это по-узбекски означает «очень вкусно». Но Рустам купил кафе уже с готовым названием и говорит, что его менять надо. А то к нам одни чурки прут, а на них много не заработаешь. Простите, но он именно так говорит.

Ипатьев достал мобильный и позвонил майору Гончарову, сообщил, что нашел свидетельницу, которая, скорее всего, видела мужчину, убившего его маму и бабушку.

— Я сейчас подъеду. А пока дайте ей лист бумаги, и пусть она запишет на него все, что вам рассказала, не пропуская даже самой мелкой детали.

— Есть часок времени? — спросил Ипатьев девушку.

Та задумалась, посмотрела на часы и кивнула.

Поднялись в квартиру, Павел провел девушку на кухню, вынес ей пачку листов для принтера.

— Очень подробно изложите: в какое время это было, как он выглядел, во что был одет, где его встречали прежде.

Он сел рядом, но почти сразу пришлось вставать, потому что приехал начальник убойного отдела РУВД. Майор Гончаров подошел к девушке и посмотрел на то, что она пишет.

— Все очень грамотно, — оценил он, — дай бог, чтобы вы не ошиблись.

— Я могу его и нарисовать, чтобы вам было удобно фоторобот делать.

— Нарисуйте, но проехать к специалистам все равно придется, чтобы они еще и с ваших слов

составляли. Они будут детали заменять: такой нос или какой-то другой, брови кверху или опущенные домиком.

Начальник убойного отдела посмотрел на Ипатьева и быстро отвернулся, но Павел понял, что имел в виду майор.

— Сейчас начинается ваша передача, — напомнил Гончаров, — мы скинули в редакцию наши телефоны с просьбой сообщать всю возможную информацию.

Ипатьев включил телевизор и увидел на экране себя на фоне разорванного плаката. Он сидел за рабочим столом и смотрел в сторону, потом повернулся к камере, смахнул что-то с лица и начал говорить:

— Сегодня не я буду вести программу. Не могу. Я появился на ваших экранах лишь для того, чтобы рассказать о своей бабушке. Ей было без малого девяносто восемь, и вчера ее убили вместе с моей мамой. Убийцы пришли в нашу старенькую квартирку, чтобы украсть что-нибудь. Они шли на воровство с ножом, но о них не буду. Я о бабушке. Она закончила десять классов, и сразу началась война. Мой прадед-инженер пошел на фронт добровольцем и погиб через несколько недель. Бабушку, которой было тогда семнадцать, отправили на заготовку дров... Начинаясь первая и самая страшная блокадная зима. Бригада лесорубов состояла из восьми девочек. Бабушка была бригадиром. Им сказали, что норма выработки — шесть кубов леса на каждую. Это была довоенная норма

для здорового и сытого мужика-лесоруба. Только маленькие голодные девочки перевыполняли эту норму, потому что город замерзал. У них не было никаких бензопил, только двуручные и топоры. Работали без выходных дней с раннего темного утра и до тех пор, пока от усталости не падали с ног. Возвращались в землянку, в которой пол был покрыт льдом. Растапливали буржуйку, и очень скоро в землянке не было льда, но зато до середины голени стояла вода. Спали на двух двухъярусных кроватях по две девочки на одно спальное место. Помещались, потому что все были действительно маленькими, моя бабушка оказалась самой крупной: ее рост был метр пятьдесят пять. Вот такая она была крохотная... Весной сорок второго ее вызвали в город и дали время заскочить домой. Только дома уже не было, то есть он стоял, а мама, младшие сестры и брат — все умерли от голода. Умерли в квартире, в которой нелюди вчера убили ее саму и ее дочь — мою маму. А потому просьба, если кто-то что-то знает или вдруг узнает случайно, сообщайте в программу, а еще лучше в полицию или в Следственный комитет. Все.

Бегущей строкой пошли номера телефонов: Следственного комитета, районного управления полиции, городского управления... Номеров было много. Кристина Тарасова уткнулась взглядом в лист бумаги, в текст, который только что написала, и плакала. Рядом лежал еще один лист с нарисованным мужским лицом. Гончаров взял этот лист и стал вглядываться в изображение.

Потом поднес к уху мобильный.

— Сергей, не теряй времени, — приказал он кому-то, — прыгай в машину, только не в дежурную, чтобы не светиться, а в свою тачку. Дуй к кафе «Жуда мазали»... И веди наблюдение... Только скрытно. Нам нужен высокий мужчина с длинными волосами, похожий на Мурата Насырова... Кто-кто! Не знаешь, что ли? Певец такой был. Песню пел про то, как мальчик хочет в Тамбов. Ничего-то вы, молодежь, не знаете.

Начальник убойного отдела закончил разговор, взял лист с портретом подозреваемого, а потом обернулся к Кристине:

— А у вас, девушка, определенно есть талант. Так что если ничего в жизни складываться не будет, что для талантов — обычное явление, то милости прошу к нам в отдел полиции. Спокойной жизни не обещаю, но зато не одна зараза вас пальцем не тронет.

У него зазвонил мобильный. Гончаров посмотрел на номер вызывающего и ответил.

— Ты почему еще не в машине? Как-как? Двух простых слов запомнить не можешь. Так запиши, коли память дырявая: «Жуда мазали».

Майор посмотрел на Павла:

— Мы с девушкой сейчас в отдел заскочим — составим фоторобот и раздадим всем патрульным экипажам и участковым. Хотя, может быть, и сами уже сегодня будем знать, кто этот гад.

Кристина поднялась, взглянула на Ипатьева, собираясь что-то сказать, но промолчала.

— Это ненадолго, — пообещал ей Гончаров, — а потом я вас лично доставлю куда скажете.

Павел открыл входную дверь, выпустил Кристину и посмотрел на начальника убойного отдела:

— Сколько уже служите, майор?

— Можно на «ты» и по имени, — начальник убойного протянул руку, — зовут меня Игорь, а служу я восемнадцать лет.

Павел выглянул в окно, смотрел, как Гончаров с Кристиной проходят через дворик. Подождал немного, а потом взял со столешницы старого буфета ключи от машины и вышел из квартиры. Он знал теперь, куда ехать, а потому спешил.

Глава пятая

Утром его разбудил телефонный звонок. Павел схватил мобильный, но звук шел с другого аппарата. Наконец Ипатьев понял, что кто-то звонит на старый городской номер, которым современные люди уже не пользуются. Он подбежал к хрипящему от натуги аппарату, снял трубку и сам прохрипел спросонья:

— Слушаю вас внимательно.

— Павлик, — прилетел знакомый и неузнанный голос, — это Елизавета Григорьевна — директор школы. Мы все в шоке. Горе для всех нас: и для педагогического коллектива, для учеников, для всех... Страшное горе... Мы вчера

отправили сообщение на сайт вашей программы — так что дублировать его я сейчас не буду.

— Продублируйте, — попросил Ипатьев, — туда много что приходит, и все просмотреть я просто не успеваю.

— Так мы решили... то есть так решило городское управление образования, что мы организуем похороны... Ведь она была заслуженным учителем, а вы — единственный ее близкий родственник, который к тому же уважаемый и занятой человек. Так что не надо обращаться ни в какое агентство ритуальных услуг — обдерут как липку.

— А куда я должен обращаться?

— Никуда. Мы сами обратимся куда надо и сами все сделаем. Мы все знаем, на каком кладбище ваш дедушка лежит, даже номер участка проверили, все сделаем — вы не волнуйтесь...

— Спасибо, — сказал Ипатьев, — от меня что-то требуется...

— Ничего пока. И денег не требуется, мы уже сами сбор объявили, а потом городское управление сказала, что они из бюджетных средств...

Зазвонил мобильный.

— Это у вас телефон? — спросила Елизавета Григорьевна.

— У меня.

— Тогда не буду отвлекать. Еще раз наши соболезнования.

На мобильный звонил начальник убойного отдела РУВД Гончаров.

И он сразу, не поздоровавшись даже, приступил к делу.

— Поторопились вы к зрителям обратиться, теперь мы завалены звонками и сообщениями. Все что-то видели, кого-то подозревают. Все нам, а может, именно вам хотят помочь.

— Я уже и сам жалею, — признался Павел, — в редакцию звонят, сайт наш завален. К сожалению, ничего толком не сообщают. То есть говорят о каких-то людях: мне даже кажется, что некоторые сдают своих соседей, с которыми не сложились отношения. Сообщают все данные на них и просят разобраться как можно быстрее, чтобы не было других жертв...

— Я чего звоню, — продолжил Гончаров, — вчера мой сотрудник подъехал к этому самому «Жуда мазали». Заглянул внутрь, говорит, вполне приличное заведение. Выпил кофейку... Потом вернулся в машину и начал наблюдать. Тот тип так и не появился. Тогда мой сотрудник сменил тактику. Вернулся в кафе, подозвал официантку, показал служебное удостоверение и спросил, не обижает ли их Рустам. Пообещал, что если хозяин будет обращаться с официантками без должного уважения, то будут приняты меры. Надо сказать, что Сережка парень фактурный — высокий, симпатичный и очень обаятельный. Короче, завязалось знакомство, и Сергей поинтересовался: не приходил ли сюда парень восточного типа — похожий на певца Насырова с предложениями продать награды: ордена и медали. И девочка сообщила, что зовут того Олжас и он был

сегодня, но недолго и уже уехал. Буквально на несколько минут заскочил и ушел как раз перед тем, как мой Серега появился там в первый раз. Чтобы не терять времени, он решил поговорить с Рустамом, но тот сказал, что ничего не знает, никакого Олжаса и вообще. Пришлось вызвать группу, выгнать посетителей и пообещать, что кафе будет закрыто из-за проверки финансовой деятельности и санитарного состояния. После этого Рустам признался, что Олжаса он знает, но не очень хорошо, ему известно, что тот гражданин Казахстана и мама у него русская. Адрес Олжаса ему неизвестен, но у него есть его мобильный телефон...

— Так взяли его? — тихо спросил Павел, чувствуя, как бьется сердце.

— Тут такое дело... — замялся Гончаров, — адрес мы вычислили. Отправили группу захвата. Позвонили в дверь, но никто не открывает... В квартире тишина. Свет в окнах горит, но вроде никого. Выбили дверь и обнаружили этого Олжаса застреленным. Провели обыск, обнаружили массу предметов, находящихся в розыске: все они были украдены и взяты из разных квартир при кражах и разбойных нападениях. Вот такое дело. Креста Грюнвальда не обнаружили. Но были другие награды, владельцы которых нам известны. То есть этот Олжас — самый настоящий грабитель и убийца. Действовал он давно и, видимо, не один, вот только подельников его мы сейчас вычислить не можем.

— А кто его убил?

— Знать бы... Опрашивали соседей, да и сейчас там работа идет — из ближайших домов тоже пришли показания давать. Но пока никто ничего не знает и ничего не видел. И камер нет ни в подъезде, ни во дворе.

— Будем надеяться, что все прояснится, — сказал Павел.

— Главное, что преступник уже понес заслуженное наказание, — ответил Гончаров, — меня уже вызвали в прокуратуру дать объяснения моим несогласованным действиям. Но еще одна неприятность, — вздохнул Гончаров, — кто-то из соседей этого Олжаса, по всей видимости, успел звякнуть в твою программу, потому что не прошло и получаса, как примчались твои орлы с камерами. Попроси их, чтобы пока не пускали материал в эфир.

— Конечно, если надо, — пообещал Ипатьев.

— И еще. — Гончаров замолчал, словно раздумывал, говорить или не говорить. — Мы обыскали всю квартиру, но не нашли его мобильный аппарат. И вообще, мне кажется... Не кажется даже, а я уверен, что в квартире твоей бабушки был не один человек, потому что бабушку и маму... прости, что я с подробностями, убили разными предметами... Бабушку ударили заточкой, а маму ножом с широким лезвием...

— И что теперь? — выдохнул Павел. — Второго, если он есть, конечно, уже не найти?

— Найдем, — произнес уверенно Гончаров, но уверенность эта показалась Павлу наигранной, — найдем, разумеется, только побегать при-